

Белинский между народничеством и марксизмом

Максим Кулаев

VERSUS

Максим Кулаев. Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, m.kulaev@spbu.ru.

Статья обращается к творчеству Виссариона Белинского, одного из наиболее значительных мыслителей России XIX века, оказавшего влияние на развитие практически всех российских идеологий до революции. Противоречивость его взглядов хорошо известна, но не до конца объяснена. Статья рассматривает ту часть наследия Белинского, которую можно отнести к его мысли о политике, и интерпретирует противоречивость его работ как результат того, что они отражали зарождение народничества и российского марксизма и начало расхождения между ними. И меньшевики (Георгий Плеханов) и большевики (Владимир Ленин) видели в Белинском своего предшественника, но и некоторые народники вдохновлялись им. Рассмотрение работ Белинского актуально сейчас, так как популистские идеологии, специфической разновидностью которых было российское народничество, распространены по всему миру, в котором, как и во времена Белинского, отсутствует организованный рабочий класс. В связи с этим противоречивость Белинского поможет лучше понять формирование марксизма и популизма при отсутствии значимых народных движений. Статья показывает, как дискуссии о положении народа, буржуазии, имманентной способности народа к эмансипации, субъективизме, законах исторического развития и позитивизме в текстах Белинского отражали формирование народничества и российского марксизма.

Ключевые слова: *Виссарион Белинский; история идей; марксизм; народничество; популизм.*

ВИССАРИОН Белинский еще не полностью забыт в современной России, но внимание к его трудам, заметно снизившееся после распада СССР, остается на незаслуженно низком уровне и не соответствует его значению для истории литературы, политической мысли и революционных движений в России. Однако обращение к Белинскому необходимо для понимания не только истории, но и некоторых современных идеологий.

Георгий Плеханов утверждал, что Белинский принадлежал к той же интеллектуальной традиции, что и российские марксисты, и использовал его идеи в полемике против народничества. При этом сами народники испытали на себе влияние Белинского как напрямую, через чтение его работ, так и через его последователей, таких как Николай Добролюбов и Николай Чернышевский. Вклад Белинского в развитие революционных идей в России так велик, что от него не могли уклониться ни народники, ни марксисты. Как отмечают историки, «даже в рамках либерального лагеря невозможно было косо глядеть на неистового Виссариона»¹.

Цель данной статьи заключается не в том, чтобы выяснить, был ли Белинский действительно предшественником российских марксистов. Актуальность работ Белинского заключается в том, что он оказался в той точке, из которой спустя годы после его смерти началось развитие двух пересекающихся и конкурирующих движений: народничества, то есть уникальной российской версии популизма, и российского марксизма, тоже ставшего — в виде марксизма-ленинизма — оригинальным учением, отличавшимся от европейского марксизма. Таким образом, статья стремится показать, как в работах Белинского сочетались идеи, которые позже получили развитие в народничестве и в российском марксизме. Постоянная противоречивость Белинского делает такое сочетание особенно ярким.

Так как в наше время дискуссии о развитии популизма и марксизма представляют интерес и для науки, и для широкой общественности, вопрос о появлении и взаимоотношениях народничества и российского марксизма тоже остается актуальным. С этой точки зрения обсуждение мысли Белинского может внести вклад в современные дискуссии.

1. Егоров Б. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л.: Искусство, 1991. С. 243.

Опыт Белинского интересен тем, что показывает, как формируются идеологии в трудных условиях: во время репрессий и отсутствия организованных народных движений.

Одиночество Белинского и история идеологий

В своей лекции «Одиночество Макиавелли» Луи Альтюссер говорил, что великий итальянский мыслитель одинок, потому что, во-первых, его не получается классифицировать, то есть отнести к какому-либо лагерю, и, во-вторых, его творчество нельзя полностью присвоить². К Белинскому это замечание Альтюссера применимо не менее, чем к Макиавелли.

Белинский был одинок во многих смыслах этого слова. Его одиночество и драмы в личной жизни известны и по воспоминаниям знакомых, и по его печальным письмам. В феврале 1843 года он писал Бакуниным:

А между тем тяжело, право, тяжело. С горя, чтобы любить хоть что-нибудь, завел себе котенка и иногда развлекаю себя удовольствием кротких и невинных душ — играю с ним³.

Личное одиночество Белинского оттеняло его парадоксальное идейное одиночество. С одной стороны, Белинского как будто легко классифицировать и отнести к определенному лагерю. Он, безусловно, был революционным демократом. Постсоветские попытки оспорить эту классификацию неубедительны, так как они конъюнктурны и продиктованы, скорее, желанием во всем противоречить принятым в советское время подходам. Например, в 1997 году Борис Егоров пытался представить Белинского «имперцем» и контрреволюционером⁴. Ничем, кроме желания следовать идеологической конъюнктуре конца 1990-х годов, нельзя объяснить такие утверждения. Доказывая мнимую «контрреволюционность» Белинского, Егоров писал о том, что Белинский отри-

2. *Althusser L. Machiavelli's Solitude*//Althusser L. Machiavelli and Us. L., N.Y.: Verso, 1999. P. 115–130.

3. *Белинский В. Полное собрание сочинений*: В 13 т. М.: Издательство АН СССР, 1953–1959. Т. 12. С. 140.

4. *Егоров Б. Элементы «имперского» сознания у Белинского*//Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов/Под ред. Б. Гаспарова, Е. Евтуховой, А. Осповата, М. Фон Хагена. М.: ОГИ, 1997. С. 132–137.

цательно относился к «революционным призывам, взятым из утопических материалов и конструкций, а не из жизни». В действительности здесь стоило бы сказать, что революционность Белинского была более глубокой, чем у последователей утопического социализма в России. Попытки Егорова интерпретировать симпатии Белинского к Марату и Робеспьеру как «империализм не монархический, а революционный» выглядят просто словесной эквилибристикой. Предполагаемые «элементы имперского сознания» у Белинского стоит интерпретировать как стремление к универсализму в существующих исторических условиях⁵. С другой стороны, в этом лагере Белинский все равно занимал обособленную позицию. Дело не только в многочисленных спорах, в которые вступал Белинский со своими единомышленниками, — например, из-за своего примирения с действительностью или из-за попыток некоторых западников сгладить разногласия со славянофилами. Здесь можно говорить о невозможности полностью присвоить идеи Белинского.

Известная попытка Тургенева опереться на авторитет Белинского в ходе конфликта с молодыми критиками-разночинцами, посвятив ему роман «Отцы и дети», была неудачной. Но и сами критики, Добролюбов и Чернышевский, вряд ли в полной мере развили все идеи, которые высказывал Белинский.

Еще более показательное использование идей Белинского Плехановым во время борьбы с народничеством. Плеханов тогда сравнивал народников со славянофилами и поэтому воспринимал Белинского как своего авторитетного союзника. Однако «плехановское присвоение» тоже оказалось неполным. Анджей Валицкий справедливо отмечает, что марксизм Плеханова, в конце концов, слился с неревolutionционной идеологией II Интернационала, а Белинский, конечно, не был предшественником меньшевизма и той разновидности марксизма, к которой пришли теоретики европейской социал-демократии⁶. В то же время Белинского высоко ценили и сами народники, против которых выступал Плеханов. Известно, например, о влиянии Белинского на Андрея Желябова⁷, одного из лидеров «Народной

5. *Rutherford A. Vissarion Belinsky and the Ukrainian National Question//The Russian Review. 1995. Vol. 54. № 4. P. 500–515.*

6. *Walicki A. The Flow of Ideas. Russian Ideas from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Fr.a.M.: Peter Lang Edition, 2015. P. 669.*

7. *Волк С. Народная воля 1879–1882. М.: Наука, 1966. С. 158.*

воли», против методов которой активно возражал Плеханов еще во время своего участия в «Черном переделе». О Белинском сочувственно отзывалась в своих изданиях и нечаевская «Народная расправа»:

Каково было жить в это время такой натуры, как Белинский?! Близкие друзья его положительно уверяют, что этот человек задохнулся от удушающей тогдашней русской общественной атмосферы, не находя возможности бунтовать против засасывающих условий жизни⁸.

Конечно, Белинского никак нельзя назвать предшественником российского бланкизма, несмотря на его вполне выраженные симпатии к народным восстаниям, якобинцам и вообще революционному насилию.

Это одиночество Белинского можно было бы объяснить тем, что Белинский не создал сколь-либо ясной и непротиворечивой доктрины. Кембриджская школа интеллектуальной истории предостерегает от попыток ретроспективно сконструировать связную доктрину и искать у мыслителей прошлого обсуждения более поздних идей⁹. Исходя из этой точки зрения, неудачные присвоения идей Белинского следовало бы интерпретировать как изначально обреченные на провал попытки задним числом создать некую доктрину Белинского, которой не было. Однако такое объяснение выглядит односторонним. Констатация невозможности построить непротиворечивую доктрину приложима ко многим мыслителям. Случай Белинского интересен, как уже говорилось выше, тем, что его работы, среди которых не было ни одной статьи исключительно о политике, оказались в точке возникновения двух конкурировавших и иногда пересекавшихся течений, определивших революционную мысль в Российской империи. Антонио Грамши предлагал различать «исторически органичные идеологии, то есть необходимые определенному базису, и идеологии, произвольные, рационалистические, „надуманные“»¹⁰. Грамши замечает, что произвольные идеологии полезны только тем, что

8. Издания общества «Народная расправа». № 1//Революционный радикализм в России: век девятнадцатый/Сост.е. Рудницкая, О. Будницкий. М.: Археографический центр, 1997. С. 233.

9. Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Methods. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 59–67.

10. Грамши А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991. С. 75.

подчеркивают заблуждения и контрастируют с истиной. Органичные идеологии, наоборот, помогают массам осознавать себя. Внутренне противоречивая идеология Белинского не могла опираться на какой-либо определенный базис в марксистском понимании этого термина: в 1830-е и 1840-е годы в России не было предпосылок для широких народных движений. Белинский отчасти произвольно сочетал элементы различных учений. Но его идеи не были надуманными, потому что при изменении общественно-экономической обстановки в стране разные политические группы, которые выражали интересы классов, использовали его наследие. Таким образом, идеи Белинского все-таки нашли свой базис, но уже в рамках народничества и российского марксизма. Следующие параграфы покажут, как именно проявлялись и сочетались в текстах Белинского те идеи, которые позже способствовали развитию народничества и российского марксизма.

Противоречия марксизма и популизма

В спорах между российскими марксистами и народниками первые представляли себя как более высокий этап развития по сравнению со вторыми, потому что марксизм — это научная и более конкретная концепция. На место абстрактного народа марксизм ставит четко определенный рабочий класс. В 1830-е и 1840-е годы, когда работал Белинский, заметно-го рабочего класса в Российской империи не было, поэтому к 1860-м годам аграрный популизм логично занял центральное место в революционных движениях. В наше время единое рабочее движение вновь отсутствует, рабочий класс дезорганизован, поэтому популизм стал важным явлением уже в мировом масштабе. При этом жесткой границы между марксизмом и популизмом нет. Например, работы Владимира Ленина и Антонио Грамши содержат элементы популизма и серьезно повлияли на современные популистские теории.

На сходство большевизма и народничества указывали некоторые авторы¹¹. Хотя большевизм существенно отличается от народничества, он серьезно отличается и от социал-демократических идеологий II Интернационала. Ленину прихо-

11. *Clarke S. Was Lenin a Marxist? The Populist Roots of Marxism-Leninism//What Is to Be Done?/W. Bonfield, S. Tischler (eds). Farnham: Ashgate. P. 49–75.*

дилось решать проблему с объединением рабочих, крестьян и полупролетарских масс. Поэтому в его работах присутствуют понятия народа и гегемонии. Позже Грамши писал о гегемонии, обосновывая возможность объединения рабочих севера Италии и крестьян юга. Наконец, Эрнесто Лакло, основываясь на грамшианских теориях, создал современную теорию популизма, когда во второй половине XX века монолитный пролетариат вновь распался. С точки зрения теории Лакло большевизм тоже был популизмом, но более удачным, чем само народничество, потому что основная часть народнических течений рассматривала народ как уже существующую данность, приравнивая его к крестьянству, а большевизм осознавал необходимость конструирования народа через объединение разных угнетенных социальных групп вокруг рабочих, что для народников 1860–1880-х годов было невыполнимой задачей из-за общественно-экономических условий того времени. Лакло суммировал и фундаментальные теоретические расхождения между Лениным и идеологами II Интернационала. Идеология II Интернационала сконструировала «непреложные законы капиталистического развития», что привело к механицизму и подчиненному положению политики. Ленинская критика экономического детерминизма, напротив, открыла возможности мыслить политику в ее автономии от экономических условий и, соответственно, возможность для политических действий¹².

Народничество в России сложилось только после отмены крепостного права, а марксизм для своего развития нуждается в рабочем движении. Как говорилось выше, популизм, согласно теории Лакло, необходим в качестве стратегии при распаде монолитного рабочего класса. В таком случае он не противоречит марксизму, что показали Ленин и Грамши. Белинский не мог примыкать ни к народничеству, ни к какой-либо разновидности марксизма, хотя Белинский был уже знаком с работами молодого Маркса по «Немецко-французскому ежегоднику» 1844 года¹³. Однако та обстановка, которая складывалась в России перед отменой крепостного права, когда дискуссии о положении крестьян и об их возможном восстании становились все более распространенными, и проникновение тех идей, которые, по выражению Ленина, потом

12. Laclau E., Mouffe C. Socialist Strategy. Where Next? // Marxism Today. 1981. January. P. 17–22.

13. Щербина В. Революционно-демократическая критика и современность. Белинский, Чернышевский, Добролюбов. М.: Наука, 1980.

стали источниками марксизма, то есть немецкой классической философии, французского утопического социализма и английской политической экономии, создали условия для возникновения противоречивых работ Белинского. Хотя Белинский, проявляя интерес к немецкому идеализму и французскому утопизму, обошел вниманием политическую экономию, его короткая поездка по странам Западной Европы заставила его задуматься об экономических проблемах капитализма. Словом, сложная общественно-экономическая обстановка, не подходящая ни для марксизма, ни для народничества, а также переплетение многих интеллектуальных тенденций вызвали к жизни идеи, в которых можно найти предпосылки для последующих дискуссий народничества и российского марксизма.

Расхождения между народничеством и зарождавшимся российским марксизмом хорошо известны и впервые обобщены уже Плехановым в работе «Наши разногласия»¹⁴. Вкратце, эти разногласия сводятся к вопросу о крестьянской общине, с помощью которой, по мнению народников, Россия могла бы непосредственно перейти к социализму, минуя ужасы капитализма, поскольку община поддерживает коммунистические инстинкты крестьян. Плеханов, конечно, доказывал, что община разлагается и социализма из нее не получится. Хотя сам Маркс был менее категоричен, чем Плеханов, история показала ошибочность народнических взглядов на общину и коммунистические инстинкты крестьян. Кроме того, Плеханов отдельно указывает на непонимание народниками диалектического метода. По мнению Плеханова, даже Бакунин, который был хорошо знаком с гегельянством, не смог последовательно применить диалектический подход. Из-за этого непонимания народники не могли осознать место крестьянской общины в историческом процессе. Разногласия в использовании диалектики в подходах к законам исторического развития особенно важны при обсуждении работ Белинского, для которого, как известно, гегелевская философия имела большое значение.

Таким образом, обсуждение народа, исторического процесса, включая отношение к капитализму, а также дискуссии о методах изучения исторического процесса должны быть в центре внимания при рассмотрении работ Белинского.

14. Плеханов Г. Собрание сочинений: В 24 т. М.: Государственное издательство, 1923. Т. 2. С. 99–404.

Народ, общество и буржуазия в работах Белинского

Работы Белинского уже затрагивали основные проблемы, которые определяют сходство и различия марксизма и популизма, включая российское народничество. Прежде всего, отталкиваясь от немецкого идеализма, Белинский рассматривал категории народа, народности и национальности на рубеже 1830-х и 1840-х годов.

Конвенциональные подходы к популизму сводят его к противопоставлению народа и элиты. Такое противопоставление характерно, конечно, и для российского народничества. Однако разрыв между крестьянами и высшими классами был очевиден без всяких теорий, поэтому его широко обсуждали многие, включая Белинского, и до народников.

Связанные между собой понятия «народ», «нация», «национальность» распространились в русской критике в первой четверти XIX века. В Россию проникали идеи романтического национализма. Отечественная война способствовала дискуссиям о патриотизме и русской идентичности.

Исследуя использование терминов «нация» и «народ» в начале XIX века, Алексей Миллер показывал¹⁵, что различие между нацией и народом долгое время было неясным. Часто эти слова использовались как синонимы. В конце концов слово «нация» стало относиться к государству, а «народ» — просто к населению или этносу. В 1830-е годы, как известно, Сергей Уваров выдвинул формулу «Православие, самодержавие, народность», в которой «народность» уже подразумевала проявление национального духа, национальной идентичности, определяемой через отношение к православию и самодержавию. Как отмечает Миллер, Белинский искал возможность обращаться к народу в обход властей. После периода «примирения с действительностью» Белинский негативно относился к «уваровской триаде». В 1841 году он с сарказмом писал в одном из писем:

Литература наша процветает, ибо явно начинает уклоняться от губительного влияния лукавого Запада — делается до того православною, что пахнет одними мощами и отзывается пономарским звоном, до того самодержавною, что состоит из одних

15. Миллер А. «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 151–165.

доносов, до того народною, что не выражается иначе как по-матерну¹⁶.

Белинский, как и другие авторы того времени независимо от принадлежности к тому или иному политическому лагерю, трактовал понятия «народ» и «нация» сквозь призму немецкой философии. Как указывают исследователи творчества Белинского, в его первой значительной статье «Литературные мечтания» заметно влияние философии Шеллинга¹⁷, когда он пишет, что «литература непременно должна быть выражением — символом внутренней жизни народа»¹⁸.

При этом такое понимание литературы и всего искусства характерно не только для Шеллинга, но и для других немецких философов. Еще Гердер пытался найти в немецких народных песнях «искорку» немецкого национального духа¹⁹. В наиболее законченной форме мысль о том, что искусство должно быть выражением народного духа, выразил Гегель в своей «Философии истории». Он утверждал, что «дух народа» является содержанием для различных форм общности, таких как государство, религия, искусство и наука²⁰. Белинский последовательно развивал эту мысль в своих работах.

Белинский пытался разграничить народ и нацию, следуя диалектическому пониманию истории. Исследователи указывают²¹, что Белинский, основываясь на гегелевской философии, разделял историю человечества на три стадии. Первая стадия — это народ, вторая — нация, третья — органическое единство, то есть объединившееся человечество, универсальная общность. Хотя народ, по Белинскому, в своем естественном состоянии консервативен, он уже содержит в себе отличительные черты, которые способствуют развитию нации. «Под народом, — писал Белинский, — более разумеется низший слой государства, — нация выражает собой все государство. В народе еще нет нации, но в нации есть и народ <...> Сущность всякой национальности состоит в ее субстанции. Субстанция есть то непреходимое и веч-

16. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 61.

17. Freeborn R. Furious Vissarion: Belinskii's Struggle for Literature, Love and Ideas. L.: School of Slavonic and East European Studies, 2003.

18. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 29.

19. Гердер И. Г. Избранные сочинения. М. — Л.: ГИХЛ, 1959. С. 83.

20. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории // Он же. Феноменология духа. Философия история. М.: ЭКСМО, 2007. С. 523.

21. Rutherford A. Op. cit. P. 500–515.

ное в духе народа, которое, само не изменяясь, выдерживает все изменения, целостно и невредимо проходит чрез все фазисы исторического развития»²².

В данном контексте интерес представляет не только сама эта классификация и не конкретная интерпретация расхожих терминов, а метод, который Белинский перенял у Гегеля. Как доказывает Плеханов в статье «Белинский и разумная действительность», Белинский никогда не отказывался от диалектики как таковой, несмотря на последовавшую за отказом от «примирения с действительностью» критику гегелевской системы²³. Из логики Плеханова следует, что именно верность диалектике роднит Белинского с российским марксизмом.

На протяжении всех периодов своего творчества Белинский противопоставлял народ и общество. Уже в «Литературных мечтаниях» Белинский писал, что, например, французская литература — это выражение общества, а немецкая литература «есть выражение не общества, но народа». Под обществом Белинский подразумевал «избранный круг образованнейших людей», «большой свет»²⁴. Французская литература выражает именно этот избранный круг. Рассуждая о немецкой литературе, Белинский утверждал, что «гений Германии любит чердаки бедняков, скромные углы студентов, убогие жилища пасторов»²⁵. Словом, в работах Белинского термин «общество» относится к элите, к высшим классам, а «народ» — к различным низшим классам, часто к крестьянам, но иногда и к малоимущей интеллигенции, к которой принадлежал и он сам. Таким образом, у Белинского народ — это и определенная стадия исторического развития, и вместилище субстанции, определяющей это развитие, и непосредственно неимущие классы.

Белинский не только видел различия между обществом и народом, но и предполагал глубокий разрыв между ними. В «Литературных мечтаниях» Белинский указывал, что после Петра Великого «народ или, лучше сказать, масса народа и общество пошли у нас врозь». Этот разрыв нашел свое отражение и в литературе. В статье «О жизни и сочинениях Кольцова» Белинский писал, что «и сам Пушкин не был и не мог быть русским человеком по причине резкого разры-

22. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 121, 123.

23. Плеханов Г. Собрание сочинений. Т. 10. С. 199–253.

24. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 28.

25. Там же. С. 29.

ва, произведенного реформой Петра Великого, между образованными классами русского общества и массой народа». Но Алексей Кольцов уже «был сыном народа в полном значении этого слова... Не на словах, а на деле сочувствовал он простому народу»²⁶.

При этом Белинский не считал народ и общество двумя гомогенными общностями. Он говорил, например, о «лучшей, то есть образованнейшей части русского общества», которая все-таки может выразить в литературе народную жизнь²⁷.

К разрыву общества и народа Белинский тоже подходил диалектически. Этот разрыв был необходим для исторического процесса. Развитие нации невозможно без этого противоречивого феномена — разрыва между народом и обществом²⁸. В конце концов, разрыв между образованным обществом и народом должен быть преодолен в соответствии с гегелевской философией истории.

Противопоставление народа и общества, народа и правящих классов в его работах могут указывать на наличие условий для популистской позиции. Однако гегельянский подход, которому неизменно следовал Белинский, не имеет много общего с народническими идеями. Народ при таком подходе рассматривается как временная ступень исторического развития, которая будет в итоге преодолена. Народничество просто не использовало эти концепции.

Написанная в 1844 году, уже в относительно поздний период творчества, рецензия Белинского на роман «Парижские тайны» немного выбивается из его общих рассуждений о народе. Внимание критика привлек, очевидно, не сам роман. Белинский использовал рецензию как повод высказаться о революции 1830 года во Франции. Рецензия на «Парижские тайны» — это его самый революционный текст, если не считать знаменитое письмо Гоголю. Белинский представляет собой замечательный, но, вероятно, не такой уж редкий, несмотря на социологические стереотипы, пример человека, который с возрастом становился настроенным не менее, а более революционно.

Белинский красочно описывает события революции, свидетелем которых он, конечно, не был:

26. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 9. С. 532.

27. Там же. Т. 10. С. 13.

28. Walicki A. Op. cit. P. 225.

Королевскими повелениями в 1830 году была изменена французская хартия; рабочий класс в Париже был искусно приведен в волнение партией среднего сословия (bourgeoisie). Между народом и королевскими войсками завязалась борьба. В слепом и безумном самоотвержении народ не щадил себя, сражаясь за нарушение прав, которые нисколько не делали его счастливее и, следовательно, так же мало касались его, как и вопрос о здоровье китайского богдыхана²⁹.

Белинский здесь уже оперирует терминами классовой борьбы. Как известно, в тот период своего творчества он обратился к французскому утопическому социализму и работам французских историков, которые впервые начали рассматривать исторические события сквозь призму классовой борьбы. В процитированном фрагменте Белинский использует слова «народ» и «рабочий класс» практически как синонимы, противопоставляя их буржуазии.

У Белинского интересы народа, то есть рабочего класса, не совпадают с интересами буржуазии, которая обманывает и использует рабочий класс:

Сражаясь отдельными массами из-за баррикад, без общего плана, без знамени, без предводителей, едва зная против кого и совсем не зная за *кого* и за *что*, народ тщетно посылал к представителям нации, недавно заседавшим в абонированной камере: этим представителям было не до того <...> Когда дело было кончено ревностью слепого народа, представители повыползли из своих нор и по трупам ловко дошли до власти³⁰.

Кроме того, Белинский уже противопоставляет народ и нацию. Из процитированного фрагмента можно сделать вывод, что нация объединяет народ и буржуазию под руководство буржуазии. Белинский обращает внимание на то, что рабочий класс лишен политической независимости и поэтому не может отстоять свои интересы.

Успехи буржуазии и формальная демократизация, по мнению Белинского, ничем не помогли народу:

29. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 171.

30. Там же.

А народ, который в безумной ревности лил свою кровь за слово, за пустой звук, которого значения сам не понимал, что же выиграл себе этот народ? — Увы! тотчас же после июльских происшествий этот бедный народ с ужасом увидел, что его положение не только не улучшилось, но значительно ухудшилось против прежнего³¹.

Белинский рассматривал и классовый характер государства:

вся власть, все влияние на государство сосредоточены в руках владельцев, которые ни единою каплею крови не пожертвовали за хартию, а народ остался совершенно отчужден от прав хартии, за которую страдал³².

Наконец, Белинский высказал надежды на формирование народного самосознания:

Народ — дитя, но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума <...> Он уже не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет проливать своей крови за слова, которых значения для него темно, и за людей, которые любят его только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками³³.

Таким образом, народ учится через восстания.

В рецензии на «Парижские тайны», конечно, очевидно влияние утопического социализма, который был источником не только марксизма, но и народничества. Заинтересовавшись в 1840-х годах французскими социалистами-утопистами, Белинский вскоре раскритиковал их в том числе за нападки на Гегеля. Хотя критика утопического социализма со стороны Белинского, конечно, не могла совпадать с марксистской, сам ее факт примечателен. Плеханов показал, что в 1840-х годах Белинский порвал не с гегельянством как таковым, а только с его консервативной стороной, сохранив приверженность методу и обратившись к левому гегельянству³⁴. Так как народничество в определенной степени пересекалось с утопическими идеями, не-

31. Там же.

32. Там же. С. 172.

33. Там же. С. 173.

34. Плеханов Г. Собрание сочинений. Т. 23. С. 172.

приятие Белинским утопического социализма особенно важно. Как указывают исследователи, Белинский в итоге отверг идеи утопического социализма из-за попыток некоторых утопистов, например Пьера Леру, построить некую «религию гуманности»³⁵.

Белинский двойко относился к буржуазии. С одной стороны, он критиковал ее за алчность, стяжательство и отсутствие патриотизма, — то есть в терминах, имеющих мало общего с марксистской критикой, но частично пересекающихся с этическими концепциями народничества. Он писал, например, в письме Василию Боткину в 1847 году:

Но я знаю, что владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором, напомнило времена регентства, управление лакея Дюбуа, продававшего Францию Англии, и породило оргию промышленности. Все в нем мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости³⁶.

И далее он продолжал:

... я сказал, что не годится государству быть в руках капиталистов, а теперь прибавлю: горе государству, которое в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов³⁷.

С другой стороны, он признавал необходимость и прогрессивность буржуазии для общественного развития на определенном этапе. Такая точка зрения согласуется с марксистским пониманием истории, но явно противоречит народничеству. В том же письме, в котором Белинский осуждал капиталистов за отсутствие патриотизма и возвышенности в чувствах, он замечал:

[Луи Блан] выпустил из виду, что буржуази в борьбе и буржуази торжествующая — не одна и та же, что начало ее движения было непосредственное, что

35. Комарович В. Социальные утопии и Белинский // Венок Белинскому / Н.И. Пиксанов (ред.). М.: Новая Москва, 1924. С. 243–272.

36. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 447.

37. Там же. С. 449.

тогда она не отделяла своих интересов от интересов народа³⁸.

В другом письме — Павлу Анненкову в 1848 году — Белинский высказался категорично:

А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуази³⁹.

С марксистской точки зрения, для России 1840-х годов такое утверждение о необходимости буржуазии для развития абсолютно верное и бесспорное. Рабочий класс тогда, безусловно, отсутствовал, и актуальными были вопросы буржуазной революции.

В рецензии на роман «Парижские тайны» Белинский показал связь народа с революцией, переосмысливая само понимание народа с классовых позиций, которые, впрочем, возникают у него интуитивно. Обсуждение классовой борьбы, очевидно, присутствует как в публикациях Белинского, так и в его письмах. Народ у Белинского развивается через участие в революции. При этом у Белинского встречаются скептические высказывания о способности народа к прогрессу и самоорганизации. В уже процитированном выше письме Анненкову Белинский незадолго до своей смерти писал:

Когда я при моем верующем друге [Михаиле Бакуanine] сказал, что для России нужен новый Петр Великий, он напал на мою мысль, как на ересь, говоря, что сам народ должен все для себя сделать. Что за наивная аркадская мысль! После этого, отчего же не предположить, что живущие в русских лесах волки соединятся в благоустроенное государство, заведут у себя сперва абсолютную монархию, потом конституционную и, наконец, перейдут в республику?⁴⁰

Эти высказывания можно интерпретировать с точки зрения критики представлений о изначально присущей народу способности к эмансипации и развитию. Лакло называл такие

38. Там же.

39. Там же. С. 468.

40. Там же.

представления имманентизмом⁴¹. Ранее, в рецензии на «Героя нашего времени», Белинский, сравнивая Лермонтова с Кольцовым, писал, что могучий талант Кольцова «не может выйти из магического круга народной непосредственности»⁴². Поэтому произведения Кольцова понятны только в России и только в настоящий момент. По мнению Белинского, Лермонтов, в отличие от Кольцова, мог не только отразить непосредственную русскую жизнь, но и сделать это в «общемировой форме», поэтому его поэзия переходит из «естественной формы в художественную» и может быть понятна в разных странах и в разные времена⁴³. Тот факт, что Лермонтов, бесспорно, более значительный и известный поэт, чем Кольцов, подтверждает точку зрения Белинского.

Во многих своих работах Белинский критиковал то искусство, которое нарочито стремится к «естественности» и «непосредственности». Неприятие консервативного подхода, который идеализировал существующее положение народа, заметно не только в полемике Белинского против славянофилов, но и, например, в его рецензии на знаменитую сказку Петра Ершова «Конек-горбунок». Сказку, которая до сих пор известна и пользуется успехом, Белинский воспринял негативно, написав, что «теперь все хотят быть народными; ищут с жадностью всего грязного, сального и дегтярного; доходят до того, что презирают здравый смысл, и все это во имя народности»⁴⁴. Здесь сочетается критика консерватизма и имманентизма, стремящихся найти некую непосредственную «народность» и сохранить ее. Очевидно, эта критика была продолжением его диалектического метода, который он применял не только к литературе, но и к общественной жизни. Осуждая Бакунина за «наивную аркадскую мысль», Белинский действительно сравнил его со славянофилами, которые тоже видели в «народной непосредственности» потенциал развития. Всех их Белинский приравнял к утопическим социалистам. Луначарский считал, что Белинский, таким образом, не поддался «народническому самообману», то есть не верил в трансформацию крестьянской общины в социалистическое общество. По мнению Луначарского, Белинский находил крестьян ра-

41. Laclau E. Can Immanence Explain Social Struggles? // *Diacritics*. 2001. Vol. 31. № 4. P. 2–10.

42. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 197.

43. Там же.

44. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 150.

циональными и способными освободиться от религиозного дурмана, что заметно в его письме к Гоголю, но видел в них, скорее, объект для дальнейшей работы⁴⁵.

Белинский в итоге отверг утопический социализм и раскритиковал идеи Бакунина, который позже стал одним из основоположников народничества. По мнению Плеханова, однако, Белинский в некоторых вопросах все-таки соглашался с Бакуниным:

Недаром он [Белинский] помирился с Бакуниным за статью, в которой тот доказывал, что «страсть к разрушению есть созидательная страсть»⁴⁶.

Таким образом, отрицание имманентизма не означало отрицания революционности.

Работа Ленина «Что делать?» также критикует имманентизм. Ленин, во-первых, отрицает «преклонение перед стихийностью» и, во-вторых, высказывает свой знаменитый тезис о невозможности возникновения классового сознания непосредственно из экономических отношений, из отношений между рабочими и хозяевами⁴⁷. Здесь уже нет никаких предположений о коммунистических инстинктах у крестьян или рабочих.

Критика имманентизма содержится и у Лакло, утверждавшего, что народ возникает в результате возникновения гегемонии, то есть в результате политического вмешательства⁴⁸. Иными словами, современные теории популизма также указывают на конструируемую природу народа, но с большей долей волюнтаризма и контингентности. Лаклау пытался поставить некоторые ограничения этому волюнтаризму, показывая, что невозможно бесконечно расширять «народную идентичность», включая в нее все новые и новые элементы⁴⁹. Однако на практике популистские проекты пытаются сконструировать народ из каких угодно элементов. Для марксизма это неприемлемо, даже если не сводить марксизм к классовому подходу и экономическому детерминизму. Лакло, в конце концов, относит к имманентизму также Гегеля и Маркса, считая, что имманен-

45. Луначарский А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1967. Т. 7. С. 536–543.

46. Плеханов Г. Собрание сочинений. Т. 23. С. 191.

47. Ленин В. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 6. С. 30.

48. Laclau E. Can Immanence Explain Social Struggles? P. 2–10.

49. Laclau E. On Populist Reason. L., N. Y.: Verso, 2005. P. 214.

тизм преодолел только Ленин, и, таким образом, чрезмерно расширяет это понятие для оправдания контингентности и волюнтаризма. В популистском волюнтаризме проявляется определенный субъективизм, который уже обсуждали Белинский, народники и первые российские марксисты.

Законы исторического развития против субъективизма и позитивизма

Критика Белинским позитивизма и субъективизма, которые определяли народническую философию, вновь возвращает его к гегельянству и сближает с марксистской философией. Белинский, например, указывал на ограниченность Огюста Конта, основоположника позитивизма:

Конт не видит исторического прогресса, живой связи, проходящей живым нервом по живому организму истории человечества <...> Конт уничтожает метафизику не как науку трансцендентальных нелепостей, но как науку законов ума; для него последняя наука, наука наук—физиология. Это доказывает, что область философии так же вне его натуры, как и область истории⁵⁰.

Как отмечают исследователи, Белинский понял «главные свойства философии Конта—и основное достоинство („реакция на теологическое вмешательство в науку“), и основные недостатки: эмпиризм, замена философии физиологией и психологии френологией, то есть, по-нашему, „биологизация“ общественных наук»⁵¹.

Среди идеологов народничества позитивизм, напротив, стал популярен. Работы Огюста Конта и Герберта Спенсера серьезно повлияли на народников разных направлений, включая Петра Лаврова, Петра Ткачева и Николая Михайловского. Влияние позитивизма на народнические идеологии оказалось негативным. Как и показывал Белинский, позитивизм не в состоянии понять исторический процесс. Поэтому от позитивизма народничество пришло к субъективизму. Этому способствовали, конечно, не только теоретические дискуссии, но и отсутствие масштабных крестьянских

50. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 331.

51. Егоров Б. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. С. 24.

янских выступлений, на которые многие надеялись в 1860-е годы. Историки суммируют взгляды революционно настроенных разночинцев того времени:

Если масса не идет за личностью, надо разбудить массу, подвергнуть ее «критике», а в крайнем случае рассчитывать до поры на собственные силы <...> При этом новый социологический катехизис был освящен последним словом европейской философской мысли и авторитетом «научности»⁵².

Белинский не только не принимал позитивизм, но и в целом пытался выявить объективные законы исторического развития вслед за гегелевской философией истории. Например, его указания на необходимость буржуазии в определенные периоды явно противоречит народническому субъективизму. Исследователи отмечают важное различие между Белинским и революционерами 1860-х годов:

Поторапливание истории обусловило одну существенную особенность шестидесятников: по сравнению с поколением Белинского и Герцена, воспитывавшимся на гегелевском представлении об исторических закономерностях, они были склонны не размышлять много об исторической необходимости <...> и больше полагаться на случайность⁵³.

При этом Белинский периодически отмечал важность личности для исторического развития: «Где и когда народ освободил себя? Всегда и все делалось через личности»⁵⁴. Некоторые течения народничества также разрабатывали субъективистскую теорию «героев и толпы». Так как вера народников в возможность крестьянской революции постепенно ослабевала, распространялись надежды на небольшую группу «героев», способных повести за собой «толпу». Плеханов отмечал, что и социалисты-утописты «тоже отводили „народу“ совершенно пассивную роль в своих построениях: они тоже надеялись только на высшие классы»⁵⁵.

52. Хорос В. Народническая идеология и марксизм (конец XIX века). М.: Наука, 1972. С. 28.

53. Егоров Б. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. С. 10.

54. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 467–468.

55. Плеханов Г. Собрание сочинений. Т. 23. С. 144.

Сохранявшаяся у Белинского приверженность гегелевскому методу не позволяла ему перейти к субъективизму. Обвинять Белинского в распространении «культа личности», как это делали некоторые исследователи в 1990-е годы⁵⁶, нет оснований. Великие личности для него все равно должны были быть выразителями законов исторического развития. Петр I, по мнению Белинского, выражал развитие русского национального характера, создавая из русского народа нацию и включая ее в общечеловеческую историю. Петр сам вырос из этого природного духа. Белинский писал:

Мы уже не говорим о том, что из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Петр: только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ <...> Следовательно, родовое, субстанциональное начало в нас не подавлено реформой Петра, но только получило через нее высшее развитие и высшую форму⁵⁷.

В философии истории Белинского, во многом заимствованной, конечно, у Гегеля, отсутствие сознательного участия народа в исторических событиях лишает их идейного основания и смысла:

В междоусобицах князей нет никакой идеи, потому что их причина — не племенные различия, не борьба разнородных элементов, а просто личные несогласия князей. Народ тут не играл никакой роли, не принимал никакого участия. Черниговцы дрались с киевлянами не по племенной ненависти, а по приказанию князей своих⁵⁸.

Иными словами, чтобы история была не цепью случайных событий, а закономерным процессом, идущим от низших форм общественного развития к высшим, в истории должен сознательно и активно участвовать народ.

Наиболее последовательные сторонники субъективной социологии и теории «героев и толпы», прежде всего — Михайловский, критически относились к Белинскому. Михайловский, несмотря на формальное признание величия Белинского, писал, что Белинский лишь носился по волнам,

56. Егоров Б. Элементы «имперского» сознания у Белинского. С. 132–137.

57. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 124, 126.

58. Белинский В. Полное собрание сочинений Т. 5. С. 347.

как щепка. Михайловский считал, что Белинского запутала немецкая философия:

Со стороны смешно, если хотите, дико, нелепо, фикция, иллюзия, обман, ложь, но очевидно, что сам Белинский в ту минуту действительно обладал таким счастьем, потому что глубоко верил, что навязанный на него философский вздор есть правда⁵⁹.

По мнению Михайловского, Белинский потом все-таки избавился от этого «вздора», то есть от влияния гегелевской философии.

Плеханов, конечно, не считал гегелевскую философию вздором, а, напротив, указывал, что даже в период «примирения с действительностью» Белинский шел в целом по верному пути, пытаясь отыскивать объективные законы исторического развития, и не свернул с этого пути и позже, когда отказался от гегелевской «системы». Плеханов утверждал, что «у Белинского уже в конце тридцатых годов чутье теоретической истины было сильнее, чем у г. Михайловского и подобных ему почтенных социологов в настоящее время», и указывал на глубокое различие между подходом Белинского и субъективной социологией народников:

Они [народники] рассчитывали на то, что *внешнее воздействие* на общину со стороны интеллигенции и правительства пересилит *внутреннюю логику* ее собственного развития. Белинский очень пренебрежительно отнесся бы к подобным упованиям⁶⁰.

Здесь Плеханов несколько упростил народнические подходы, в целом предполагавшие имманентную предрасположенность народа к революции. Например, Ткачев, который был последовательным сторонником «внешнего воздействия», все равно предполагал, что народ изначально готов к революции⁶¹. Таким образом, субъективизм парадоксально сочетался с имманентистским детерминизмом.

59. Михайловский Н. Записки профана. Прудон и Белинский // Отечественные записки. 1875. Т. 223. № 11. Отд. 2. С. 187.

60. Плеханов Г. Собрание сочинений. Т. 10. С. 232–233.

61. Ткачев П. Избранные сочинения. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3. С. 66, 71.

Некоторые исследователи считают Белинского практически этатистом, так как он, во-первых, высоко оценивал деятельность Петра Великого и, во-вторых, в конце своей жизни надеялся на отмену крепостного права Николаем I⁶². Однако выводиться из этих утверждений этатизм — преувеличение. Хотя гегельянство в определенной степени склонно к этатизму, положительная оценка Петра I Белинским отражает, скорее, уже упомянутую критику «народной непосредственности», которую преодолели петровские реформы:

В чем заключается дело Петра Великого? В преобразовании России, в сближении ее с Европою <...> Азия — страна <...> естественной непосредственности, Европа — страна сознания⁶³.

Здесь критика непосредственности облечена в форму евроцентризма, привычного для гегелевской философии и вообще для того времени. Современная социальная наука критикует евроцентризм, но и критика «естественной непосредственности», представленная у Белинского, также представляет интерес.

Надежды Белинского на отмену крепостного права «сверху», а не в результате крестьянской революции в итоге оказались реалистичными. Луначарский отмечал реалистичный, практический подход Белинского:

Нет, он не был фантастом. Он был настолько борцом, что ему нужны были реальные результаты в этом мире. Он был поклонником силы, энергии и победы. Все в нем было настолько живо, что он согласился было признать право силы, чтобы только не казаться поклонником бессильного права. Эти металлические элементы в сердцах и душах лучших разночинцев существовали вообще⁶⁴.

Таким образом, Луначарский уже наметил определенную связь Белинского с разночинцами-народниками. Однако отношение народников к государству менялось в зависимости от обстоятельств.

62. Еремичев А. Был ли Белинский революционным демократом? // Вестник РХГА. 2011. Т. 1. № 2. С. 122–123.

63. Белинский В. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 98.

64. Луначарский А. Указ. соч. С. 309–317.

Народники, еще начиная с Герцена, противоречиво относились к государству. Как известно, Герцен некоторое время надеялся, что Александр II проведет реформы в интересах народа. Вскоре эти надежды сменились разочарованием. Как отмечает советская историография, народники периода «хождения в народ» и народовольческого террора не испытывали никаких симпатий к государству, видя, как и утопические социалисты, марксисты и анархисты, свой идеал в безгосударственном устройстве. Однако к 1890-м годам народничество, приходя в упадок, пришло к реформистским идеям и «заигрыванию» с царским правительством⁶⁵.

Надежды на государственную политику, которая могла бы осуществляться в интересах народа, явно указывают на упадок революционных движений. Во времена Белинского никаких революционных движений, конечно, не было, поэтому он не мог видеть никаких возможностей для успешного народного восстания в России. Точно так же в начале правления Александра II, — то есть до общественного подъема 1860-х годов, — и после неудач революционного народничества в 1880-е годы многие теоретики народничества надеялись на государство.

Упование на государственные реформы в периоды упадка и разочарования можно рассматривать как обратную сторону теории «героев и толпы». Отсутствие или слабость народных движений заставляет идеологов искать в теории альтернативные пути для реализации их идеалов. Плеханов утверждал, что поворот Белинского к высокой оценке роли личности в истории связан с его «восстанием против действительности»:

В эпоху своего «примирения» с действительностью Белинский сводил роль субъекта к созерцанию объективного разума этой действительности <...> А в эпоху своего восстания против действительности он не мог не сочувствовать тем «личностям», которые, подобно ему, боролись с рутинной⁶⁶.

Однако восстание Белинского против действительности противоречит и идеологиям II Интернационала. Знаменитая фраза позднего Плеханова о том, что «русская история еще не смогла той муки, из которой будет испечен пше-

65. Хорос В. Указ. соч.

66. Плеханов Г. Собрание сочинений. Т. 23. С. 155.

ничный пирог социализма»⁶⁷, удовлетворила бы Белинского времен «примирения с действительностью», но деятельный подход, который обнаруживается в его работах 1840-х годов, хотя не принимал волюнтаризм народников, не принял бы и схематизм теоретиков II Интернационала, пришедшего в итоге к сотрудничеству с буржуазным государством. Разрыв Белинского с «абсолютной системой» Гегеля был связан с неприятием детерминизма и поисками возможностей для деятельного подхода к действительности⁶⁸. Идеологи II Интернационала, напротив, пришли к детерминизму и невозможности политического вмешательства для изменения объективных условий. Отличие ленинизма от идеологии II Интернационала заключается в признании Лениным относительной автономии политики, принципиальной возможности политического действия и его критики детерминизма. В этих отличиях можно заметить определенное влияние некоторых народнических подходов на ленинизм. Обвинения большевиков в бланкизме в искаженном виде отражают это влияние.

Кроме того, идеология II Интернационала в итоге тоже строилась на позитивизме, так как ее попытки сциентифицировать марксизм обнаружили, скорее, позитивистское понимание науки и позитивистское сведение законов исторического развития к законам естественных наук. Экономический детерминизм — это одно из проявлений позитивизма, которое выразилось в упомянутой фразе Плеханова об отсутствии муки для пшеничного пирога социализма. Непонимание позитивизмом истории приводит, таким образом, к двум крайностям: субъективизму и детерминизму.

На протяжении большей части XIX века революционно настроенные мыслители не видели объективных предпосылок для успешных народных движений, поэтому им приходилось или смиряться с действительностью, или ждать доброй воли царей, или надеяться на героические усилия отдельных личностей. Многие популистские проекты современности тоже опираются на харизматических лидеров, что в основном приводит к пассивности народных масс. Это — естественная ситуация при упадке народных

67. Плеханов Г. Логика ошибки // Он же. Год на родине. Т. 1. Париж: J. Povolozky & Co Editeurs, 1921. С. 218.

68. Venturi F. Roots of Revolution: A of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. N.Y.: Albert A. Knopf, 1960. P. 42.

движений и отсутствии организованного рабочего движения.

Ленин в «Что делать?» отмечал неспособность немарксистских социалистических теорий соединить политическую борьбу с рабочим движением. Эта неспособность приводит к колебаниям между различными крайностями, например между экономизмом и терроризмом⁶⁹. Надежды на государство или вообще сотрудничество с ним можно рассматривать как еще одно проявление теоретических и практических слабостей. Таким образом, стремление к «реальным результатам в реальном мире» до зарождения народничества трансформировалось в умеренность в момент упадка народничества. Как уже говорилось выше, Николай Михайловский, представитель народничества времен упадка, критически относился к Белинскому. Это негативное отношение выражалось не только в неприязни к гегелевской диалектике, которую последовательно отстаивал Белинский, но и в утверждениях об общей бесплодности деятельности Белинского. Отдав должное нравственным качествам и искренности Белинского, Михайловский утверждал, что Белинский «всю жизнь остается только великомучеником правды и мечется из стороны в сторону», а перед ним все «мрак, мрак, мрак, лишь по временам рассекаемый молнией, и то для того, чтобы сказать человеку: не туда!»⁷⁰

Народничество в итоге превратилось в еще более причудливую амальгаму различных идеологий, лишившись своей революционности. Ленин считал, что

русский, крестьянский социализм 70-х годов, <...> боровшийся с «яснолобыми» либералами, усиленно замазывавшими антагонистичность русской жизни, и мечтавший о крестьянской революции, — совершенно разложился и породил тот пошлый мещанский либерализм»⁷¹.

Словосочетание «либеральное народничество» выглядит оксюмороном, потому что популизм должен составлять альтернативу либерализму; но этот оксюморон отражает упадок аграрного популизма в России. Российский марксизм, как известно, раскололся на меньшевизм, слившийся с не-

69. Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 75.

70. Михайловский Н. Указ. соч. С. 193.

71. Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 183.

революционными и совсем не популистскими идеями европейской социал-демократии, и большевизм, который, напротив, отделился от европейских социал-демократических партий, но вобрал в себя некоторые элементы революционного народничества. Ленин в «Что делать?» среди предшественников русской социал-демократии называл Белинского вместе с Герценом, Чернышевским и «блестящей плеядой революционеров 70-х годов»⁷², то есть вместе с народниками. Таким образом, путь, начатый Белинским, завершился. Вопрос о противоречиях между народниками и российскими марксистами потерял актуальность в начале XX века, чтобы вновь ее обрести сейчас в условиях новой идеологической противоречивости.

Заключение

Противоречивая идеология Белинского формировалась в трудные времена. Трудность эта заключалась не только в репрессиях и цензуре. Главной проблемой было отсутствие народных движений в 1830-е и 1840-е годы. Поэтому создание связных, непротиворечивых доктрин, отражающих политическую борьбу, было невозможным. Усилий отдельных мыслителей для решения такой задачи недостаточно. Заимствование немецкой классической философии и французского утопического социализма приводило к причудливым результатам. В терминологии Грамши, из-за отрыва от практики появляются «произвольные», «надуманные» идеологии, которые могут сочетать в себе несочетаемые элементы. Примеров произвольных идеологий много, но идеологию Белинского несмотря на ее противоречивость нельзя назвать полностью произвольной и надуманной, учитывая ее влияние на дальнейшее развитие революционных идей в России.

Взаимоотношения народничества и российского марксизма отчасти строились вокруг споров о Белинском. Субъективизм, позитивизм и имманентизм, которые в итоге стали важными элементами народнических идеологий на разных этапах, столкнулись с критикой уже в работах самого Белинского. Его постоянная приверженность гегельянскому методу обусловила поиски законов исторического развития. В спорах с народниками Плеханов интерпрети-

72. Там же. Т. 6. С. 25.

ровал работы Белинского с детерминистских позиций, что тоже было преувеличением. Народничество оказалось несовместимым не с марксизмом как таковым, а с его интерпретациями в меньшевизме и идеологиях II Интернационала. Большевизм, напротив, перенял некоторые народнические подходы.

В современных условиях, когда организованное рабочее движение распалось, большое значение приобрели популистские теории. Поэтому обсуждения субъективизма, имманентизма и детерминизма сейчас так же важны, как и во времена Белинского.

Библиография

- Белинский В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Издательство АН СССР, 1953–1959.
- Волк С. Народная воля 1879–1882. М.: Наука, 1966.
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории//Он же. Феноменология духа. Философия истории. М.: ЭКСМО, 2007. С. 477–875.
- Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.—Л.: ГИХЛ, 1959.
- Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991.
- Егоров Б. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л.: Искусство, 1991.
- Егоров Б. Элементы «имперского» сознания у Белинского//Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов/Под ред. Б. Гаспарова, Е. Евтуховой, А. Осповата, М. Фон Хагена. М.: ОГИ. 1997. С. 132–137.
- Еремичев А. Был ли Белинский революционным демократом?//Вестник РХГА. 2011. Т. 1. № 2. С. 116–125.
- Издания общества «Народная расправа». № 1//Революционный радикализм в России: век девятнадцатый/Сост. е.Л. Рудницкая, О.В. Будницкий. М.: Археографический центр, 1997. С. 223–244.
- Комарович В. Социальные утопии и Белинский//Венок Белинскому/Под ред. Н. Пиксанова. М.: Новая Москва, 1924. С. 243–272.
- Ленин В. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 6.
- Луначарский А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1967. Т. 7. С. 536–543.
- Миллер А. «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий//Российская история. 2009. № 1. С. 151–165.
- Михайловский Н. Записки профана. Прудон и Белинский//Отечественные записки. 1875. Т. 223. № 11. Отд. 2. С. 157–198.
- Плеханов Г. Логика ошибки//Год на родине. Т. 1. П.: J. Povolozky & Co Editeurs. 1921. С. 217–219.
- Плеханов Г. Собрание сочинений: В 24 т. М.: Государственное издательство, 1923. Т. 2. С. 99–404.
- Ткачев П. Избранные сочинения. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3.
- Хорос В. Народническая идеология и марксизм (конец XIX века). М.: Наука, 1972.
- Щербина В. Революционно-демократическая критика и современность. Белинский, Чернышевский, Добролюбов. М.: Наука, 1980.

- Althusser L. Machiavelli's Solitude // Althusser L. Machiavelli and Us. L., N. Y.: Verso, 1999. P. 115–130.
- Clarke S. Was Lenin a Marxist? The Populist Roots of Marxism-Leninism // What Is to Be Done? / W. Bonfield, S. Tischler (eds). Farnham: Ashgate. P. 49–75.
- Freeborn R. Furious Vissarion: Belinskii's Struggle for Literature, Love and Ideas. L.: School of Slavonic and East European Studies. 2003.
- Laclau E. Can Immanence Explain Social Struggles? // Diacritics. 2001. Vol. 31. № 4. P. 2–10.
- Laclau E. On Populist Reason. L. and N. Y.: Verso, 2005.
- Laclau E., Mouffe C. Socialist Strategy. Where Next? // Marxism Today. 1981. January. P. 17–22.
- Rutherford A. Vissarion Belinsky and the Ukrainian National Question // The Russian Review. 1995. Vol. 54. № 4. P. 500–515.
- Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Methods. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 59–67.
- Venturi F. Roots of Revolution: A of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. N. Y.: Albert A. Knopf, 1960.
- Walicki A. The Flow of Ideas. Russian Ideas from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Fr.a.M.: Peter Lang Edition. 2015.

Belinsky Between Populism and Marxism

Maxim Kulaev. St. Petersburg State University, m.kulaev@spbu.ru.

Belinsky was one of the most significant Russian thinkers of the nineteenth century and influenced almost all ideologies of pre-revolutionary Russia. Contradictions within his views are well-known but not fully explained. The article focuses on a part of Belinsky's heritage which can be classified as his thought on politics and interpret contradictions within his works as the outcome of the fact that his works reflected the genesis of and the beginning of discrepancy between Russian populism (*narodnichestvo*) and Russian Marxism which later split into *bolshevism* and *menshevism*. Georgii Plekhanov and Vladimir Lenin considered Belinsky as their own predecessor. However, some populists (*narodniki*) were also inspired by him. The examination of Belinsky's works is relevant today as populist ideologies, a specific form of which was populism in Russia, are widespread across the globe while the organized working class is absent as it was in Belinsky's time. Therefore, contradictions within Belinsky's works can contribute to a better understanding of the formation of Marxism and populism when significant popular movements are absent. The article demonstrates how discussions on conditions of the people, bourgeoisie, people's immanent emancipatory capacity, subjectivism, laws of historic development and positivism in Belinsky's texts reflected the formation of populism and Russian Marxism.

Keywords: *Vissarion Belinsky; history of ideas; Marxism; narodnichestvo; populism.*

References

- Althusser L. Machiavelli's Solitude. *Machiavelli and Us*, London, New York, Verso, 1999, pp. 115–130.
- Belinskii V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collected Works], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1953–1959.
- Clarke S. Was Lenin a Marxist? The Populist Roots of Marxism-Leninism. *What Is to Be Done?* (eds W. Bonfield, S. Tischler), Farnham, Ashgate, pp. 49–75.

- Egorov B. *Bor'ba esteticheskikh idei v Rossii 1860-kh godov* [The Struggle of Aesthetic Ideas in Russia in the 1860s], Leningrad, Iskusstvo, 1991.
- Egorov B. Elementy 'imperskogo' soznaniya u Belinskogo [Elements of "Imperial" Consciousness in Belinskii]. *Kazan', Moskva, Peterburg: Rossiiskaya imperiya vzglyadom iz raznykh uglov* [Kazan, Moscow, St. Petersburg: The Russian Empire from Different Angles] (eds B. Gasparov, E. Evtukhova, A. Ospovat, M. von Hagen), Moscow, OGI, 1997, pp. 132–137.
- Eremichev A. Byl li Belinskii revoliutsionnym demokratom? [Was Belinskii a Revolutionary Democrat?]. *Vestnik RKhGA*, 2011, vol. 1, no. 2, pp. 116–125.
- Freeborn R. *Furious Vissarion: Belinskii's Struggle for Literature, Love and Ideas*. London: School of Slavonic and East European Studies, 2003.
- Gramsci A. *Tiuremnye tetradi* [Prison Notebooks], Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991.
- Hegel G.V.F. Lektzii po filosofii istorii [Lectures on the Philosophy of History]. *Fenomenologiya dukha. Filosofiya istorii* [Phenomenology of Spirit. Philosophy of History]. Moscow: EKSMO, 2007, pp. 477–875.
- Herder I.G. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works], Moscow, Leningrad, GIKhL, 1959.
- Izdaniya obshchestva 'Narodnaya rasprava', no 1 [Publications of the "People's Retribution" Society, no 1]. *Revolutsionnyi radikalizm v Rossii: vek devyatnatsaty* [Revolutionary Radicalism in Russia: The Nineteenth Century] (eds E.L. Rudnitskaia, O.V. Budnitskii), Moscow, Arkheograficheskii tsentr, 1997, pp. 223–244.
- Komarovich V. Sotsial'nye utopii i Belinskii [Social Utopias and Belinskii]. *Venok Belinskomu* [A Garland for Belinskii] (ed. N. Piksanov), Moscow, Novaya Moskva, 1924, pp. 243–272.
- Khoros V. *Narodnicheskaya ideologiya i marksizm (konets XIX veka)* [Populist Ideology and Marxism (Late 19th Century)], Moscow, Nauka, 1972.
- Laclau E. Can Immanence Explain Social Struggles? *Diacritics*, 2001, vol. 31, no. 4, pp. 2–10.
- Laclau E. *On Populist Reason*, London, New York, Verso, 2005.
- Laclau E., Mouffe C. Socialist Strategy. Where Next? *Marxism Today*, 1981, January, pp. 17–22.
- Lenin V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collected Works], Moscow, Gospolitizdat, 1963, vol. 6.
- Lunacharskii A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 7, Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1967, pp. 536–543.
- Miller A. 'Narodnost' i 'natsiya' v russkom yazyke XIX veka: podgotovitel'nye nabroski k istorii ponyatii ['Nationality' and 'Nation' in 19th-Century Russian: Preliminary Notes for a History of Concepts]. *Rossiiskaya istoriya*, 2009, no. 1, pp. 151–165.
- Mikhailovskii N. Zapiski profana. Proudon i Belinskii [Notes of a Layman. Proudhon and Belinskii], *Otechestvennye zapiski*, 1875, vol. 223, no. 11, pt. 2, pp. 157–198.
- Plekhanov G. Logika oshibki [The Logic of Error]. *God na rodine* [A Year in the Homeland], vol. 1, Petrograd, J. Povolozky & Co Editeurs, 1921, pp. 217–219.
- Plekhanov G. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 2, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923, pp. 99–404.
- Rutherford A. Vissarion Belinsky and the Ukrainian National Question, *The Russian Review*, 1995, vol. 54, no. 4, pp. 500–515.
- Shcherbina V. *Revolutsionno-demokraticheskaya kritika i sovremennost'. Belinskii, Chernyshevskii, Dobroliubov* [Revolutionary-Democratic Criticism and Modernity. Belinskii, Chernyshevskii, Dobrolyubov], Moscow, Nauka, 1980.
- Skinner Q. *Visions of Politics*, vol. 1: Regarding Methods, Cambridge, Cambridge University Press, 2002, pp. 59–67.

- Tkachev P. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works], vol. 3, Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1933.
- Venturi F. *Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia*, New York, Albert A. Knopf, 1960.
- Volk S. *Narodnaia volia 1879–1882* [The People's Will 1879–1882], Moscow, Nauka, 1966.
- Walicki A. *The Flow of Ideas. Russian Ideas from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2015.